

Он шёл и размышлял. Когда-то он нанимал мастеров, чтобы заменить Сюй Чжэна, смотря лишь на их боевые навыки, не обращая внимания на остальное. Сейчас дело с раздачей милостыни шло хорошо, и, казалось, Ду Чжун обладает неплохими способностями к руководству. Но вот как он справится в одиночку — неизвестно.

Он мысленно одобрил его, но вслух лишь хмыкнул, оставив на длинной улице шлейф недовольства. Красивый — красивый, способный — способный, но слишком уж своевольный, нарушает правила так, что и перечислить невозможно.

К тому же он мастер давать сладкие обещания. Если попросить его ударить в барабан, он покажет свои лучшие приёмы. Если поставить на него в споре, он откажется. Если столкнуть его в воду, он поймает рыбу... Разве это похоже на поведение старшего ученика? Незнающий человек мог бы подумать, что он — близкий друг Жун Лоюня.

Незаметно он вышел за ворота дворца, постепенно приближаясь к месту раздачи милостыни. Вокруг становилось всё больше беженцев. Раньше здесь были пустые хижины с земляными ступенями, а теперь они были заполнены до отказа.

Жун Лоюнь добрался до места и, слегка подняв указательный палец к губам, жестом «тише» остановил приветствия учеников.

У подножия горы горел большой костёр, освещая тёмную ночь. Он поднял голову и посмотрел в небо. Густые тучи скрывали звёзды и луну, и, похоже, завтра будет дождь.

Его взгляд ещё не успел вернуться, как он услышал странный шум. Мгновенно взглянув в сторону входа в лагерь, он увидел, как солдаты, держа в руках факелы, выгоняли отдыхающих у ворот беженцев. Толкали их, а если этого было недостаточно, то и пинали, и били, словно это были враги, которых нужно схватить. Жун Лоюнь шаг за шагом приближался, считая про себя. Дойдя до широкой площади у входа в лагерь, он досчитал до сорока трёх.

— Вы ударили и пнули сорок три человека, — тихо произнёс он. — В чём причина?

Командир ответил:

— Разве можно допустить, чтобы бродяги мешали в военном лагере? Если хотят умереть, пусть идут куда-нибудь ещё!

Жун Лоюнь усмехнулся:

— Утром люди уже толпились здесь, а вы дождались ночи, чтобы очистить вход в лагерь. Как же вы терпели? Неужели вы — стая черепах?

Ученики дворца Буфань трудились весь день и теперь были измотаны, поэтому солдаты осмелились устроить беспорядок. Командир, словно получив страшное оскорбление, первым выхватил меч. Беженцы тут же разбежались, как напуганные птицы.

Жун Лоюнь перестал улыбаться:

— Мои ученики сегодня устали, и я не хочу, чтобы они сражались с вами. Зато я сам хочу размять кости.

Обычно они не вмешивались в дела друг друга: солдаты не трогали разбойников, а разбойники — солдат. Но сейчас они столкнулись лицом к лицу, что было неожиданностью. Командир

взвешивал меч в руке, а весь лагерь солдат был готов противостоять одному Жун Лоюню. К тому же у него не было оружия, так что даже если бы у него были секретные приёмы, он не смог бы их использовать.

Пока они стояли в противостоянии, Жун Лоюнь первым потерял терпение:

— Хватит тянуть время!

Схватив ручной фонарь, он бросился вперёд и в мгновение ока оказался окружён солдатами. Он крутился среди них, произнося названия приёмов, и через десять движений уже сбил с ног два ряда людей.

Факелы размахивали, некоторые упали на землю, превратившись в костры. Жун Лоюнь был лёгок, как ласточка, его одежда скользила по доспехам, а мягкость побеждала жёсткость, ранив почти половину солдат. Бумажный фонарь качался, красная свеча внутри упала, и фонарь превратился в огненный шар.

Он использовал его как оружие, размахивая им с силой:

— Попробуйте мою Технику Меча, Раскалывающего Облака!

Он выполнил ровно сорок три приёма, ни больше, ни меньше.

Все изменились в лице, бросились бежать в лагерь, но он грациозно повернулся, яркий свет огня отражался в его улыбке, хитрой и презрительной:

— Как же вы трусливы, кучка бездельников.

Он схватил командира, перенёс его к костру и собирался бросить в огонь.

Недалеко от этого места Хо Линьфэн, только что проснувшись, стоял в темноте, наблюдая, как Жун Лоюнь довёл командира до слёз. Тот умолял о пощаде, и, казалось, Жун Лоюнь был удовлетворён. Он резко бросил его на землю и наступил ногой.

Хо Линьфэн невольно провёл рукой по груди. Белые шёлковые туфли, узкая ступня — наступить таким образом было очень больно.

Жун Лоюнь плюнул:

— Не знаете, где ваше место, думаете, что с приходом Хо Линьфэна в Сицянлин вы сможете сравниться с сильными войсками Сайбэя?

Он опустил глаза, гордый, как небожитель.

— Хо Линьфэн ещё даже не пришёл, а если бы и пришёл, хм!

Хо Линьфэн задумался. Что значит это «хм»?

Все разбежались, как испуганные звери. Фонарь Жун Лоюня сгорел, оставив лишь каркас, и он бросил его в костёр. Внезапно он поднял глаза и в тени увидел Хо Линьфэна, смутно, едва различимо.

Он хотел позвать его, но остановился, чувствуя неловкость. В голове мелькнул образ того букета лотосов.

Хо Линьфэн направился к нему крупными шагами, оставив смущение после сна, оставаясь лишь спокойным. Они стояли в шаге друг от друга, лицом к лицу у огня, и могли ясно видеть выражения друг друга.

Одновременно они слышали слабый голос:

— Благодетель.

Юноша держал на руках маленькую девочку, старик опирался на посох, а в переулке собралась толпа беженцев. Весь день они искали Жун Лоюня, чтобы поблагодарить, но так и не нашли. Теперь, увидев «благодетеля» с сердцем бодхисаттвы, который в одиночку сражался с толпой, они испугались и не решались подойти.

Жун Лоюнь повернулся и посмотрел на них, окинув взглядом мужчин, женщин, стариков и детей. Он задумался:

— Эта каша — лишь временное решение. Вам лучше поскорее найти место, где можно обосноваться.

Все поняли, но девочка крепче обняла шею юноши и тихо заплакала:

— Не хочу возвращаться, там мы умрём...

Жун Лоюнь спросил:

— Какая ситуация в Ханьчжоу?

Юноша ответил:

— Каждый день люди умирают от голода, и чтобы выжить, жители вынуждены бросать свои дома.

Жун Лоюнь удивился:

— Ханьчжоу — богатый округ, и в случае бедствия должны быть запасы. Разве их не хватает?

Юноша покачал головой:

— Не скрою, благодетель, в городе Ханьчжоу нет ни одного места, где раздают милостыню, ни воды, ни риса.

Он сдерживал слёзы.

— Запасы продовольствия разворовываются на всех уровнях, и чиновники сговорились с богатыми торговцами, чтобы поднять цены. Многие разоряются ради одной чашки риса.

Жун Лоюнь тихо произнёс:

— А кто глава округа?

Юноша ответил:

— Цзя Яньси, он — племянник нынешнего премьер-министра.

Человек, обладающий огромной властью, юноша говорил тихо, и все вокруг затихли.

Жун Лоюнь пробормотал:

— Нынешний премьер-министр... Чэнь Жоинь.

Его голос был тихим, а мысли — запутанными, словно он вспоминал старого знакомого. Он повернулся, чтобы уйти, но, проходя мимо Хо Линьфэна, остановился, схватил его за пояс и потянул за собой.

Хо Линьфэн, опасаясь, что пояс развяжется, схватил запястье Жун Лоюня, когда они отошли в сторону. Жун Лоюнь повернулся к нему, высвободил руку и пожал её:

— Ду Чжун, раздача милостыни прошла хорошо.

Он кивнул:

— Если господин доволен, то и я доволен.

Жун Лоюнь сказал:

— Но кое-что мне не нравится.

Хо Линьфэн уставился на него:

— Говори.

Жун Лоюнь высвободил руку. Ещё мгновение назад он был смиренным, а теперь его взгляд стал холодным, как лёд.

— Я поручаю тебе ещё одно дело.

Его голос был резким, как лезвие.

— Отправляйся ночью в Ханьчжоу и разузнай, что там происходит.

Хо Линьфэн принял приказ и сразу же вернулся во дворец Буфань, чтобы подготовиться. Пройдя несколько шагов, он услышал, как Жун Лоюнь позвал его:

— Ду Чжун, возвращайся как можно скорее.

Он ответил:

— Буду ехать без отдыха, вернусь завтра ночью в час свиньи.

Взяв хорошего коня и бурдюк с водой, Хо Линьфэн отправился в путь. Ночью было трудно пробираться через лес, поэтому он мчался по ровной дороге на север. Луна и звёзды двигались по небу, а холодный весенний ветер дул всю ночь.

Чем ближе он подъезжал к Ханьчжоу, тем хуже становилась ситуация. В нескольких десятках ли от города он встретил огромную толпу беженцев. На рассвете он с облегчением вздохнул, достигнув ворот города Ханьчжоу. Ворота были открыты, а люди, словно живые мертвецы, бродили по улицам. Два или три охранника, стоявшие на посту, выглядели бодрыми.

Хо Линьфэн въехал в город на лошади. Когда-то оживлённая главная улица теперь была пустынной, все дома были закрыты, а в воздухе витал запах гниющих тел. Он добрался до здания правительства и на мгновение подумал, что оказался на поле боя. Повсюду лежали трупы, а лужи крови уже высохли.

У каждого тела было вырезано сердце, и, судя по технике, это сделал один человек — мастер своего дела. Он не задержался надолго и отправился на восток города, чтобы найти усадьбу Цзя Яньси. Огромный участок с красными черепичными крышами и зелёной черепицей был окружён строгой охраной, и каждый стражник с мечом патрулировал территорию.

Хо Линьфэн наблюдал издали, а затем, используя технику Невидимого Божественного Дракона, бесшумно проник в усадьбу.

Он оказался прямо перед двором и, к своему удивлению, увидел двух человек у озера. Он мгновенно активировал Технику Запечатывания Дыхания, не позволяя себе расслабиться ни на мгновение.

Тем временем, в трёхстах ли к югу, над Сицзяньлином всю ночь висели густые тучи, а теперь раздалось два глухих раската грома. Жун Лоюнь заперся в своём кабинете, не выпуская из рук кисти с фиолетовым мехом, и тяжело выводил иероглифы на бумаге.

Скоро пойдёт дождь, и ученик, принёсший обед, торопился.

Когда дождь начался, полуоткрытое окно захлопалось на ветру. Жун Лоюнь остановил кисть, чувствуя холод и усталость. Он подумал, взял ли Ду Чжун с собой плащ. Закончив писать строку, он снова задумался: дорога в дождь трудна, успеет ли он вернуться к часу свиньи?

Он потратил полчаса, чтобы закончить писать, положил кисть, вымыл руки и вышел на крыльцо, чтобы поесть. Два блюда и миска супа. Он смотрел на дождь и лишь изредка брал ложку.

Жун Лоюнь не хотел возвращаться в комнату, поэтому, закончив есть, он прислонился к колонне и задремал.

Дождь становился всё сильнее и не прекращался уже несколько часов. Даже тучи закрыли закат, и ночь наступила раньше обычного. Когда Жун Лоюнь проснулся, коробка с обедом уже сменилась коробкой с ужином, и было уже больше часа свиньи.

Он встал, надел тёплый плащ, взял фонарь и вернулся на крыльцо, чтобы посидеть. Через час он взял зонт и пошёл по каменистой дорожке к воротам Безымянной обители.

Час свиньи закончился, наступил час крысы. Он закрыл калитку и пошёл вперёд.

<http://bllate.org/book/16167/1449188>